

Изменения приоритетов и механизмов реализации ЦУР в системе международного сотрудничества, вызванные вспышкой COVID-19^{1, 2}

А.Г. Сахаров

Сахаров Андрей Геннадиевич — н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Российская Федерация, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; sakharov-ag@ranepa.ru

Аннотация

Пандемия COVID-19 послужила толчком к переосмыслению подходов к реализации Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г. и Целей устойчивого развития ООН как на национальном уровне, так и в рамках системы многостороннего сотрудничества. Кризис подтолкнул международных акторов к переоценке возможности человечества по достижению поставленных задач к 2030 г. и поставил вопрос об актуальности приоритетов Повестки 2030 в новых условиях. В рамках данного обзора приводятся позиции ключевых международных институтов в отношении устойчивых путей выхода из экономического кризиса.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития, Повестка 2030, устойчивое развитие, COVID-19

Для цитирования: Сахаров А.Г. Изменения приоритетов и механизмов реализации ЦУР в системе международного сотрудничества, вызванные вспышкой COVID-19 // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 3. С. 273–287 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2021-03-13

Распространение коронавирусной инфекции интенсифицировало международные обсуждения перспектив реализации Повестки дня в области устойчивого развития ООН, поставив под вопрос достижимость Целей устойчивого развития (ЦУР) до 2030 г. Еще до глобальной вспышки COVID-19 было очевидно, что прогресс по ряду ЦУР неравномерен и требуются значительные национальные и международные усилия для улучшения ситуации. Подобная точка зрения фигурирует, в частности, в докладе генерального секретаря ООН «Ход достижения целей в области устойчивого развития» на июльской сессии ЭКОСОС в 2020 г. [ООН, 2020a]. По таким целям, как борьба с голодом, неравенством, снижение выбросов парниковых газов, прогресс отсутствовал вовсе [ООН, 2021].

¹ Статья поступила в редакцию 29.07.2021.

² Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственно-го задания РАНХиГС.

Пандемия и ее последствия вызвали глобальный кризис, отразившийся на темпах экономического роста по всему миру. В наибольшей степени, однако, пострадали уязвимые (наименее развитые) страны и беднейшие слои населения, что значительно усугубило ситуацию по большинству задач Повестки 2030 [Всемирный банк, 2020a]. Доклад генерального секретаря ООН о ходе реализации ЦУР 2021 г. отражает позицию данной организации — центрального элемента системы международного сотрудничества — в отношении динамики по каждой из целей Повестки 2030 [ООН, 2021].

Цель 1 (Ликвидация нищеты) обозначена как недостижимая к 2030 г. по причине наличия «тройной угрозы» — пандемии COVID-19, вооруженных конфликтов и изменения климата. По оценкам ООН, в 2020 г. количество малоимущих в мире увеличилось на 119–124 млн человек в результате экономических последствий пандемии, а к 2030 г. этот показатель составит около 600 млн человек, в том числе за счет роста бедности в странах со средним уровнем доходов [ООН, 2021]. Всемирный банк (ВБ) подсчитал, что экономический кризис привел к увеличению числа бедных на 88–115 млн человек, затронув 9,1–9,4% населения мира в 2020 г. [Всемирный банк, 2020]. Негативный эффект не ограничится краткосрочной перспективой. ООН рассматривает также сценарии снижения ежегодного роста ВВП на душу населения на 2 процентных пункта и увеличения неравенства на 25% во всех развивающихся странах в результате роста долгового бремени, снижения деловой активности, роста бюджетных ограничений и ослабления систем образования, что означает долгосрочную стагнацию мировой экономики [ООН, 2020b].

Для решения проблем крайней нищеты ООН предлагает принятие немедленных мер на национальном уровне, в частности, создание эффективных систем социальной защиты. Еще одной действенной, хотя и долгосрочной, мерой борьбы с нищетой, по мнению ООН, является обеспечение доступности и качества образования. Однако в докладе генерального секретаря отмечается, что лишь 30% стран, по которым имеются данные за период с 2015 по 2018 г., тратили 15–20% от общих государственных расходов на цели развития образования [ООН, 2021], в соответствии с рекомендациями Плана действий в области образования на период до 2030 г. [ВОФ, 2015].

В отношении Цели 2 (Ликвидация голода) ООН отмечает, что еще с 2014 г. число голодающих в мире постепенно росло, а в 2020 г. пандемия критически ухудшила продовольственное положение еще 83–132 млн человек по всему миру. В данном случае ситуация также осложнена неравенством, поскольку уязвимые группы (женщины и дети) оказались затронуты проблемой голода в наибольшей степени. В частности, Управление ООН по координации гуманитарных вопросов заявляло о росте числа людей, испытывающих острую нехватку продовольствия, со 149 до 270 млн человек в течение 2020 г. [ООН, 2020b].

Что касается Цели 3 (Хорошее здоровье и благополучие), то в результате воздействия COVID-19 существенные сбои испытывают системы здравоохранения 90% стран. Пандемия сказывается на способности государств реагировать на другие угрозы в области медицины — осложнено оказание услуг по лечению психических, неврологических и наркологических расстройств; забытых тропических болезней; туберкулеза; ВИЧ и гепатитов В и С; рака и других неинфекционных заболеваний; а также в сфере планирования семьи и контрацепции. Так, в течение ближайших пяти лет ожидается рост смертности от туберкулеза на 20%, ВИЧ — на 10% и малярии — на 36% [Всемирный банк, 2020b].

ООН характеризует сложившуюся ситуацию в отношении реализации Цели 4 (Качественное образование) как «катастрофическую» с точки зрения развития школьного образования. Наиболее уязвимые дети и дети, не имеющие доступа к дистанционно-

му обучению, согласно выводам ВБ, подвергаются повышенному риску остаться вне школьной системы и, хуже того, вступить в детский брак или быть использованными в качестве рабочей силы [Всемирный банк, 2020б]. Как упоминалось выше, воздействие COVID-19 на сферу образования является одним из ключевых факторов подрыва долгосрочных перспектив социально-экономического восстановления, в особенности в развивающихся странах. В 2020 г. число неграмотных детей увеличилось на 101 млн в результате пандемии COVID-19. В сфере образования также наблюдается гендерный разрыв — в 2019 г. на 100 образованных 15-летних молодых людей приходились лишь 92 образованные девушки аналогичного возраста.

Пандемия привела к усилению неравенства в сфере занятости, непропорциональному воздействию на женщин с точки зрения увеличения объема работы по дому, а также росту числа случаев насилия в отношении женщин и девочек, увеличению числа детских браков. При этом женщины несут повышенные риски в борьбе с COVID-19, поскольку среди медсестер и акушерок в 104 странах их 85% [Бониол, МакАйзаак, 2019].

По оценкам Международной организации труда (МОТ), пандемия остановила и повернула вспять прогресс последних лет в сфере сокращения гендерного неравенства в сфере занятости и трудовых доходов. В странах «Группы двадцати» женщины в среднем получают на 5–40% меньше, чем мужчины, чаще задействованы в неоплачиваемой трудовой деятельности и неформальном секторе. Процесс постпандемического восстановления занятости также происходит быстрее для мужчин, чем для женщин. В этой связи МОТ рекомендует наращивать финансирование здравоохранения и социальной сферы как секторов с наибольшей долей участия женщин. Также предлагается проводить таргетированные меры трудовой политики, направленные на снижение нагрузки на женщин в работе по дому, укрепление социальной защищенности и повышение их участия в рабочей силе [МОТ, 2021а].

ООН также призывает страны использовать текущий кризис как возможность для глубокого реформирования законодательной и институциональной систем, чтобы обеспечить гендерное равенство, учитывая роль, сыгранную женщинами в национальных глобальных усилиях по реагированию на вспышку COVID-19. Среди мер, предлагаемых ООН, — квоты на членство в законодательных органах власти (представляются нецелесообразными), принятие законодательства по борьбе с насилием в отношении женщин и борьбе с гендерной дискриминацией на рынке труда [ООН, 2021].

Распространение коронавирусной инфекции подорвало надежность систем водоснабжения и санитарии, в особенности в наиболее уязвимых странах. ООН, как и ВБ, отмечает критическое значение санитарно-гигиенических систем по всему миру в условиях пандемии COVID-19. Однако новые вызовы накладываются на существующие проблемы недофинансирования в наименее развитых странах, а также усугубляются тенденциями, связанными с загрязнением и деградацией водных экосистем, изменением климата и низким уровнем сотрудничества в области трансграничного водопользования. Согласно выводам ООН, в отсутствие мер, направленных на решение перечисленных выше проблем, достижение ЦУР 6 к 2030 г. представляется невозможным [ООН, 2021]. По оценкам ВБ, сектор водоснабжения и санитарии в развивающихся странах нуждается в дополнительных инвестициях в размере 114 млрд долл. ежегодно до 2030 г. [Батлер и др., 2020].

Несмотря на наличие некоторых позитивных экологических экстерналий, связанных со снижением уровня выбросов парниковых газов и других загрязнителей [ООН, 2021], пандемия не становится переломной точкой в контексте борьбы с изменением климата в глобальном масштабе. В частности, кризис привел к замедлению инвестици-

онной активности и темпов развертывания инновационных энергоносителей. В 2020 г., по оценкам Международного энергетического агентства (МЭА), в мире было введено всего 167 ГВт мощностей возобновляемых источников энергии — на 13% меньше, чем в 2019 г. [МЭА, 2020], что дополнительно осложняет долгосрочный переход к экологически устойчивой модели развития. На этом фоне экономическое восстановление 2021 г. проходит под знаком повышения спроса на традиционные углеводородные энергоносители. МЭА прогнозирует увеличение спроса на уголь на 60% по итогам года (более 50% от этого объема приходится на Китай) наряду с 5% повышением уровня выбросов парниковых газов [МЭА, 2021].

Влияние пандемии на перспективы реализации ЦУР 8 (Достойная работа и экономический рост) оценивается международными институтами как критическое. По данным МОТ, в 2020 г. мировой показатель потерянных часов рабочего времени составил 8,8% (по отношению к 4-му кварталу 2019 г.; эквивалент 255 млн рабочих мест с полной занятостью), что примерно в 4 раза превышает потери во время мирового финансового кризиса в 2009 г. [МОТ, 2021б]. Показатель душевого ВВП снизился на 5,3% в 2020 г. по сравнению с 2019 г. Потеря 495 млн рабочих мест в эквиваленте полной занятости привела к снижению трудовых доходов на 10,7%, или на 3,5 трлн долл. США. Молодые работники и женщины особенно сильно пострадали от кризиса на рынке труда — растет число безработных и не обучающихся молодых людей, в особенности молодых женщин [МОТ, 2021в]. В связи с глобальными ограничениями на перемещения существенное падение пережил и сектор туризма, являющийся критически важным для многих развивающихся государств — по итогам 2020 г. потери отрасли оцениваются в 1,3 трлн долл. США [ЮНВТО, 2021].

Кризис, вызванный пандемией COVID-19, наложил на замедление экономической активности в обрабатывающей промышленности в результате торговых противоречий между крупнейшими экономиками мира в 2017–2019 гг. Пандемия сильно ударила по отрасли, приведя к падению объемов производства на 8,4% и значительному снижению уровня занятости по итогам 2020 г. Доля сектора в глобальном ВВП снизилась с 16,5% в 2019 г. до 15,9% в 2020 г. По данным ЮНИДО, в 1-м квартале 2020 г. рост мирового производства в обрабатывающей промышленности снизился на 6%, а по итогам года спад составил 8,4% [ЮНИДО, 2021]. ЮНКТАД оценивает снижение глобального показателя ПИИ по итогам 2020 г. на 40% в связи со спадом в производственном секторе в сочетании с закрытием заводов как глобальное. В 2021 г. ожидается дальнейшее снижение этого показателя на 5–10% [ЮНКТАД, 2020]. Кризис также создал беспрецедентные проблемы для глобальных цепочек создания стоимости, нарушив как предложение, так и спрос на товары и услуги по всему миру. Малые предприятия оказались в особенно уязвимом положении. Однако пандемия также открыла возможности для стимулирования индустриализации и инноваций. ЮНКТАД отмечает, что средне- и высокотехнологичные отрасли, такие как фармацевтика, компьютерная техника, электроника и автомобилестроение, восстанавливались быстрее, чем отрасли с более низкой технологической интенсивностью [ЮНКТАД, 2020].

Согласно выводам ООН, представленным в докладе генерального секретаря, пандемия COVID-19 отодвинула беднейшие страны на десять лет назад в деле достижения ЦУР. Вспышка COVID-19 в среднем привела к увеличению индекса Джини для стран с формирующимися рынками и развивающихся экономик более чем на 6%. Негативные тенденции в сфере здравоохранения усугубляются неблагоприятной социальной и миграционной обстановкой, сложившейся в некоторых регионах мира еще до пандемии. Так, число беженцев к середине 2020 г. достигло рекордного уровня — число людей, покинувших свои страны и ставших беженцами вследствие войн, конфликтов,

преследований, нарушений прав человека и других нарушений общественного порядка выросло до 24 млн человек, что создало дополнительную нагрузку на системы здравоохранения и социального обеспечения в принимающих странах [ООН, 2021].

По оценкам ООН, прямые и косвенные последствия пандемии COVID-19 делают достижение Цели 11 (Устойчивые города и населенные пункты) до 2030 г. маловероятным, поскольку способствуют увеличению числа жителей трущоб при одновременном ухудшении качества их жизни. Отмечается, что лишь половина городских жителей обладала удобным доступом к услугам общественного транспорта и в среднем лишь 16% городской территории отводилось под общедоступные общественные пространства (ниже рекомендованного Программой ООН по населенным пунктам значения в 30%) [ООН, 2021]. ОЭСР также констатирует значительное негативное воздействие пандемии на качество жизни в городах в связи с падением промышленного производства, ростом безработицы, остановкой туристической отрасли, закрытием малых и средних предприятий и в конечном счете снижением финансовых возможностей для реализации социальных функций, важность которых значительно возрастает в условиях кризиса систем здравоохранения. Для выхода из складывающейся ситуации ОЭСР рекомендует проводить политику целевой помощи малому бизнесу, развивать инклюзивность в сфере занятости с акцентом на наиболее уязвимых слоях населения, осуществлять меры поддержки жилищного сектора, а также встраивать проводимые действия в долгосрочные планы экологически устойчивого восстановления [ОЭСР, 2020a].

Цель 12 (Ответственное потребление и производство) является одной из ключевых в рамках Повестки 2030. Согласно выводам ООН, изменение моделей потребления и производства может способствовать устранению зависимости экономического роста и благосостояния населения от использования природных ресурсов и воздействия на окружающую среду, а также обусловить преобразования, предусмотренные глобальными обязательствами в области биоразнообразия, борьбы с изменением климата и устойчивого развития в целом [ООН, 2021]. Цель 12 — неотъемлемая часть экологического блока Повестки 2030 (ЦУР 7, 12–15) и играет ведущую роль с точки зрения снижения антропогенного воздействия на природную среду в долгосрочной перспективе.

С учетом того, что прогресс в отношении экологического блока Повестки 2030 оценивается как недостаточный [ООН, 2021], неудивительно, что в международном дискурсе именно вопросы экологически устойчивого (зеленого) постпандемического восстановления сформировали ядро обсуждений вокруг будущего ЦУР и концепции устойчивого роста в целом. Ключевым посылом как ООН, так и других авторитетных международных институтов является тезис о том, что кризис COVID-19 предоставляет возможность для изучения более инклюзивных и справедливых моделей развития, основанных на устойчивом потреблении и производстве. Тем не менее пандемия породила две разнонаправленные тенденции — с одной стороны, существуют объективные причины снижения антропогенного воздействия на окружающую среду в результате падения уровня экономической активности, с другой — тяжелые экономические последствия обуславливают необходимость стимулирования ускоренного восстановления производительных секторов и снижения регуляторного воздействия на них, в том числе путем смягчения экологических требований к предприятиям.

Исходя из этой потребности, ПРООН в своей работе, посвященной посткризисному восстановлению с учетом целей Повестки 2030 [ПРООН, 2021], акцентирует внимание на необходимости структурных реформ, в том числе в сфере государственного управления, масштабных инвестиций в развитие зеленой экономики, цифровизацию, создание эффективных инструментов социальной защиты населения. На основе этих компонентов ПРООН предлагает государствам выстраивать стратегию «Рывок к ЦУР»

(SDG Push), учитывающую как приоритеты Повестки 2030, так и существующие и потенциальные вызовы и альтернативы [Хьюз и др., 2020].

Аналогичным образом в апрельском докладе 2021 г. Международного валютного фонда (МВФ) постулируется тезис о необходимости проведения фискальной политики, направленной на достижение долгосрочных целей углеродной нейтральности, в интересах преодоления негативных последствий кризиса и создания базовых условий для устойчивого экономического восстановления [МВФ, 2021a]. Таким образом, продвижение климатической повестки — один из важных приоритетов МВФ в изучении проблем посткризисного восстановления. По словам заместителя директора-распорядителя МВФ Т. Жанга, роль климатической тематики в данном контексте обусловлена тремя ключевыми факторами: снижением влияния загрязняющих секторов в современной структуре мировой экономики в пользу более «чистого» сектора производства услуг по мере технологического развития; ростом сопутствующих выгод от отказа использования углеводородного сырья (качество атмосферного воздуха, здоровье, благосостояние); доходами от механизмов ценообразования на углерод, которые могут быть использованы в интересах стимулирования зеленых технологических решений и устойчивого развития [МВФ, 2021b].

По оценкам МВФ, пакет антикризисных и восстановительных мер, предусматривающих инвестиции в зеленую инфраструктуру в сочетании с введением механизмов ценообразования на углерод, не только будет способствовать достижению климатических целей Повестки 2030, но и более устойчивому росту в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Согласно расчетам МВФ, «скоординированная политика по развитию более экологичной и устойчивой инфраструктуры, поддерживаемая другими мерами по снижению выбросов парниковых газов, может увеличить среднегодовой темп прироста мирового ВВП на 0,7% в период до 2035 г.» [МВФ, 2020a]. Эти меры в сочетании с применением технологий улавливания и хранения углерода также будут способствовать удержанию глобального потепления в пределах 2°C в долгосрочной перспективе. Кроме того, МВФ отмечает, что даже самые позитивные оценки экономических преимуществ не могут учесть потенциальный вред от бездействия, например, долгосрочный экономический ущерб от участвовавших природных катастроф и экстремальных погодных явлений, вызываемых климатическими изменениями [МВФ, 2020a].

Для реализации ЦУР и достижения углеродной нейтральности к 2050 г. в посткризисный период МВФ рекомендует введение систем ценообразования за выбросы углерода (по оценкам МВФ, к 2030 г. цена за тонну CO₂ должна составить 75 долл. США [МВФ, 2021b]), субсидий на производство энергии из возобновляемых источников, программ зеленых инвестиций (в размере 1% ВВП с постепенным снижением до 0% в течение десяти лет), компенсационных выплат домохозяйствам, использующим возобновляемые источники энергии, а также макроэкономические меры поддержки, включающие льготное финансирование кредитов и льготный налоговый режим [МВФ, 2020a].

Опубликованная в апреле 2021 г. аналитическая записка «Постпандемическая оценка Целей устойчивого развития» формулирует позицию сотрудников МВФ по оптимальной государственной политике в интересах достижения ЦУР. Предлагается проведение масштабной программы реформ, направленной на достижение социально-экономической устойчивости, с акцентом на активное стимулирование роста путем проведения структурных реформ, совершенствования системы управления государственными активами, стимулирования частных инвестиций и рационализации

государственных расходов, а также повышения эффективности фискальной политики [Бенедек и др., 2021].

Всемирный банк также рассматривает кризис как окно возможностей для реализации задач устойчивого роста. Так, по словам президента ВБ Д. Малпасса, адресованным участникам весеннего пленарного заседания Комитета по развитию ВБ 2021 г., «для восстановления после COVID-19 нам понадобятся комплексные долгосрочные стратегии, в которых особое внимание уделяется зеленому, устойчивому и инклюзивному развитию. Это должно быть согласовано с необходимостью проведения политики, которая поможет странам повысить грамотность, сократить отставание в росте и недоедание, обеспечить доступ к чистой воде и энергии, а также предоставить населению более качественное медицинское обслуживание. Мы должны помочь странам повысить их готовность к будущим пандемиям. Мы должны помочь им ускорить разработку и внедрение цифровых технологий. Мы должны работать над улучшением и расширением местных цепочек поставок и укреплением биоразнообразия и экосистем» [Всемирный банк, 2021]. Таким образом, ВБ не концентрируется исключительно на климатических аспектах устойчивости, а призывает подходить к решению проблем развития и восстановления комплексно.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) акцентирует внимание на необходимости учета приоритетов климатической устойчивости при формировании стратегий посткризисного восстановления. ОЭСР сформирована и регулярно обновляется База данных зеленого восстановления (Green Recovery Database), содержащая оценки принимаемых экономиками (преимущественно членами ОЭСР) антикризисных мер на предмет соответствия приоритетам климатической нейтральности [ОЭСР, 2021].

По оценкам ОЭСР, 24 члена организации приняли меры, имеющие прямые или косвенные негативные последствия с точки зрения воздействия на состояние окружающей среды. К ним, согласно данным ОЭСР, относятся планы по смягчению существующих экологических стандартов (в том числе в отношении качества воды, выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и использования одноразовых пластиковых изделий), сокращение или отмена налогов, сборов и иных платежей, связанных с экологией, безусловная поддержка загрязняющих отраслей или компаний (например, авиакомпаний или предприятий ТЭК), а также увеличение субсидий на нужды создания или поддержания инфраструктуры, интенсивно использующей ископаемое топливо (включая автомобильный транспорт), и субсидий на потребление электроэнергии. Хотя некоторые из этих мер могут быть временными в рамках планов экстренного спасения и поддержки, другие, с точки зрения ОЭСР, рискуют иметь более долгосрочные экологические, экономические и социальные последствия [ОЭСР, 2020б].

В качестве позитивных примеров экологически устойчивых планов восстановления ОЭСР указывает на Европейский союз (ЕС) и Республику Корея. «Европейский зеленый курс», предложенный Европейской комиссией в конце 2019 г., является стратегией роста, направленной на комплексное преобразование ЕС с учетом целей достижения климатической нейтральности к 2050 г. и минимизации воздействия потребления природных ресурсов на темпы экономического роста. «Зеленый курс» лежит в основе стратегии ЕС по стимулированию экономического восстановления после пандемии COVID-19, в том числе посредством реализации инициативы Next Generation EU и плана восстановления экономики стоимостью 750 млрд евро [ОЭСР, 2020б].

Существуют и другие примеры интеграции мер по повышению климатической устойчивости в антикризисные меры на национальном уровне. Так, «Зеленый курс Республики Корея», утвержденный в июле 2020 г., является частью национальной

стратегии экономического восстановления, включающей элементы климатической устойчивости и направленной в том числе на создание 659 тыс. рабочих мест. На нужды реализации этого плана Южная Корея выделит около 61 млрд долл. США в течение пяти лет (2020–2025 гг.) на увеличение мощностей возобновляемых источников энергии с 12,7 ГВт в 2019 г. до 42,7 ГВт к 2025 г. и расширение парка экологических транспортных средств до 1,33 млн единиц. План также предусматривает переоборудование государственного арендного жилья и школ с учетом задач энергосбережения и внедрения «умных» зеленых технологий градостроения [Министерство экономики и финансов Республики Корея, 2020].

Пакет антикризисных мер правительства Индии включает меры инвестиционно-го стимулирования зеленых проектов в сфере использования биомассы и иных видов экологически чистого топлива на сумму 26,5 млрд долл. США, а также 3,5 млрд долл. США на стимулирование производства высокоэффективных солнечных панелей и совершенствование химических элементов питания [Национальное агентство продвижения инвестиций Индии, 2021]. Отдельные элементы климатической повестки интегрированы в антикризисные планы большинства ведущих экономик мира с различной степенью глубины и обобщенного чистого углеродного следа, о чем свидетельствует исследование “Greenness of Stimulus Index”, проведенное компанией Vivid Economics [Vivid Economics, 2021].

ОЭСР также оказывает ощутимое влияние на позицию «Группы двадцати» по вопросам устойчивого развития. Так, доклад «Согласование краткосрочных мер по восстановлению с долгосрочными климатическими и экологическими задачами», подготовленный ОЭСР в рамках итальянского председательства в «двадцатке», содержит рекомендации для стран по разработке зеленых и инклюзивных мер стимулирования экономической активности, созданию эффективных механизмов оценки и мониторингу их реализации, а также по развитию инноваций и НИОКР в климатической сфере [ОЭСР, 2021б].

Своевременная реализация Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. остается безусловным приоритетом «Группы двадцати». В частности, в Декларации Эр-Риядского саммита лидеров «Группы двадцати», прошедшего в ноябре 2020 г., среди приоритетных направлений устойчивого и долгосрочного восстановления в посткризисный период были обозначены: устойчивость системы здравоохранения, цифровизация, инвестиции в развитие инфраструктуры [«Группа двадцати», 2020а], в том числе, в соответствии с п. 2.2. Инициативы InfraTech, устойчивых инфраструктурных решений (зеленый транспорт, повышение энергоэффективности, инновации процессов генерации энергии) [«Группа двадцати», 2020б]. Лидеры «двадцатки» также заявили об утверждении Плана «Группы двадцати» по поддержке мер по борьбе с COVID-19 и восстановлению экономики в развивающихся странах, Руководящих принципов «Группы двадцати» по созданию качественной инфраструктуры для обеспечения региональной взаимосвязанности и Рамочные основы финансирования устойчивого развития [«Группа двадцати», 2020а].

Здравоохранение, устойчивое развитие, климатическая устойчивость и энергетический переход, окружающая среда, цифровая экономика занимают центральное место в повестке дня председательства Италии в «Группе двадцати» (2021 г.). Был достигнут ряд конкретных договоренностей на стыке экологической и энергетической проблематики. В министерском коммюнике по энергетике и климату впервые на уровне «двадцатки» была признана неразрывная связь между производством энергии, выбросами парниковых газов и изменением климата. В этом контексте в документе подчеркивается важность перехода к чистым энергоносителям для решения проблемы изме-

нения климата. Члены «Группы двадцати» подчеркнули необходимость использования потенциала существующих решений в области чистой энергетики, а также ускорения разработки и внедрения технологий с нулевым и низким уровнем выбросов, включая водород. Развитые члены форума подтвердили намерение мобилизовать 100 млрд долл. США ежегодно на нужды искоренения энергетической бедности [«Группа двадцати», 2021a]. Министры, ответственные за состояние окружающей среды, в свою очередь, приняли решение о совместной поддержке усилий городов по развитию эффективно-го использования природных ресурсов и внедрению элементов экономики замкнутого цикла, а также подчеркнули необходимость привлечения дополнительных финансовых потоков в проекты в сфере устойчивого развития [«Группа двадцати», 2021b].

Позиция БРИКС по вопросам устойчивого восстановления нашла отражение в Заявлении по итогам встречи министров по вопросам окружающей среды, прошедшей 20 июля 2020 г. Министры отметили важность включения приоритетов экономики замкнутого цикла в планы посткризисного восстановления. Также было выражено намерение обмениваться опытом в том, что касается формирования ориентированных на климатические задачи стратегий экономического восстановления [БРИКС, 2020].

«Группа семи» на саммите 2021 г. в Карбис-Бэй также коснулась тематики устойчивого восстановления, приняв несколько решений в данной сфере. Было объявлено о поддержке «семеркой» инициативы Build Back Better, содержащей планы по сотрудничеству в области инфраструктурных инвестиций для ускорения зеленых преобразований в глобальной экономике, а также обязательства по увеличению международного финансирования в области климата [«Группа семи», 2021a]. Лидеры «семерки» приняли обязательства по достижению климатической нейтральности к 2050 г., сокращению в 2 раза выбросов парниковых газов к 2030 г., увеличению объемов климатического финансирования до 2025 г., обеспечению сохранения по меньшей мере 30% территорий и акваторий к 2030 г. [«Группа семи», 2021b]. Был также принят отдельный документ в сфере климатической политики “G7 2030 Nature Compact”, включающий четыре ключевых направления национальной политики в сфере борьбы с потерей биоразнообразия: переход к устойчивому и законному использованию природных ресурсов; инвестиции в природу и развитие природосберегающей экономики; защита, сохранение и восстановление природы; и подотчетность [«Группа семи», 2021b].

Фактически после смены президентской администрации в США в рамках «семерки» вновь наблюдается консенсус по ключевым вопросам климатической повестки. Таким образом, институт возвращает себе прежний потенциал принятия важных решений в данной сфере.

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод. Позиции международных институтов по вопросам устойчивого развития в период пандемии COVID-19 свидетельствуют о том, что нынешний кризис не привел к коренному пересмотру подходов к достижению ЦУР, но актуализировал, в сочетании с очевидным отсутствием прогресса по многим направлениям Повестки 2030, потребность в использовании импульса неизбежного посткризисного восстановления для перехода к новой модели развития. На сегодняшний день в международном дискурсе, по крайней мере на институциональном уровне, преобладают приоритеты устойчивого социально-экономического восстановления с акцентом на решении долгосрочных эколого-климатических задач. С учетом наличия современных технологических решений, а также сравнительного анализа потенциальных выгод от осуществления и угроз от неосуществления мер ответственной климатической политики дихотомия экономических и экологических интересов более не представляется глобальными институтами столь значительной [МВФ, 2021b].

Прочие аспекты устойчивости, однако, обсуждаются международными институтами с меньшей степенью проработки по сравнению с вопросами климата. В частности, дискурс по цифровизации ограничивается признанием роли цифровых технологий и компетенций в устойчивом развитии, без конкретных предложений и решений. Также недостаточно прорабатываются краткосрочные эффекты климатической политики на социально-экономические аспекты устойчивости.

Так как пандемия оказала непропорционально большее негативное воздействие на беднейшие государства, нарастает и потребность в финансовой и экспертной поддержке развивающихся и наименее развитых стран в сфере устойчивого развития. Обсуждения в рамках международных институтов и обязательства крупнейших экономик мира свидетельствуют об активизации усилий международного сообщества на этом направлении.

Для Российской Федерации все эти факторы создают новые условия как во внутренней политике, так и с точки зрения реализации внешнеполитических интересов. В условиях, когда ведущие экономики мира будут постепенно смещать акцент своей политики в сторону «зеленых» приоритетов и механизмов сотрудничества (и конкуренции), возникает необходимость вырабатывать собственные, учитывающие национальную специфику и возможности, подходы к устойчивому восстановлению и экономическому росту, а также встраивать «зеленые» решения в существующие программы социально-экономического развития.

Список источников

«Группа двадцати» (2020а). Декларация эр-риядского саммита лидеров «Группы двадцати» // ЦИМИ РАНХиГС. Режим доступа: [https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/gruppa-dvadsati/dokumenty-gruppy-dvadsati/saudovskoe-predsedatelstvo-2020/G20%20Leaders%20Declaration%202020%20\(RUS\)%20.pdf](https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/gruppa-dvadsati/dokumenty-gruppy-dvadsati/saudovskoe-predsedatelstvo-2020/G20%20Leaders%20Declaration%202020%20(RUS)%20.pdf) (дата обращения: 01.09.2021).

«Группа двадцати» (2020б). G20 Riyadh InfraTech Agenda // ЦИМИ РАНХиГС. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/gruppa-dvadsati/dokumenty-gruppy-dvadsati/saudovskoe-predsedatelstvo-2020/G20%20Riyadh%20InfraTech%20Agenda%202020%20July%202020.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

«Группа двадцати» (2021а). Joint G20 Energy-Climate Ministerial Communiqué. Режим доступа: https://www.g20.org/wp-content/uploads/2021/07/2021_G20-Energy-Climate-joint-Ministerial-Communique.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

«Группа двадцати» (2021б). G20 Environment Communiqué. Режим доступа: https://www.g20.org/wp-content/uploads/2021/07/2021_07_22_ITG20_ENV_Final.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

«Группа семи» (2021а). G7 leaders commit to protect planet and turbocharge global green growth. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/news/g7-leaders-commit-to-protect-planet-and-turbocharge-global-green-growth> (дата обращения: 01.09.2021).

«Группа семи» (2021б). G7 2030 Nature Compact. Режим доступа: <https://www.g7uk.org/wp-content/uploads/2021/06/G7-2030-Nature-Compact-PDF-120KB-4-pages-2.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

«Группа семи» (2021в). Carbis Bay G7 Summit Communiqué Our Shared Agenda for Global Action to Build Back Better. Режим доступа: <https://www.g7uk.org/wp-content/uploads/2021/06/Carbis-Bay-G7-Summit-Communique-PDF-430KB-25-pages-3-1.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

Батлер Г., Пилотто Р.Г., Хонг И., Мутамбатсе Е. (2020). The Impact of COVID-19 on the Water and Sanitation Sector. Режим доступа: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/126b1a18-23d9-46f3-beb7-047c20885bf6/The+Impact+of+COVID_Water%26Sanitation_final_web.pdf?MOD=AJPERES&CVID=ncaG-hA (дата обращения: 01.09.2021).

Бенедек Д., Гемаель Е.Р., Сенхаджи А.С., Тиeman А.Ф. (2021). A Post-Pandemic Assessment of the Sustainable Development Goals. Staff Discussion Notes No 2021/003, МВФ. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2021/04/27/A-Post-Pandemic-Assessment-of-the-Sustainable-Development-Goals-460076> (дата обращения: 01.09.2021).

Бониол М., МакАйзаак М. и др. (2019). Gender equity in the health workforce: Analysis of 104 countries // Всемирная организация здравоохранения. Режим доступа: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/311314> (дата обращения: 01.09.2021).

БРИКС (2020). Statement of the 6th BRICS Environment Ministers Meeting // ЦИМИ РАНХиГС. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/briks/dokumenty-briks/briks-rossijskoe-predsedatelstvo-2020/Statement%20of%20BRICS%20Environment%20Ministers%2030%20July%202020.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

Всемирный банк (2020a). Reversals of Fortune // Poverty and Shared Prosperity 2020. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34496/9781464816024.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

Всемирный банк (2020b). The Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of COVID-19. Режим доступа: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34432?cid=ECR_E_NewsletterWeekly_EN_EXT&deliveryName=DM78486 (дата обращения: 01.09.2021).

Всемирный банк (2021). Remarks by World Bank Group President David Malpass to the Spring Meetings 2021 Development Committee. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/news/speech/2021/04/09/remarks-by-world-bank-group-president-david-malpass-to-the-spring-meetings-2021-development-committee> (дата обращения: 01.09.2021).

Всемирный образовательный форум (ВОФ) (2015). Education 2030 Incheon Declaration and Framework for Action Towards inclusive and equitable quality education and lifelong learning for all. Режим доступа: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/ED/ED_new/pdf/FFA-ENG-27Oct15.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

МВФ (2020a). World Economic Outlook, October 2020: A Long and Difficult Ascent. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020> (дата обращения: 01.09.2021).

МВФ (2021a). World Economic Outlook Managing Divergent Recoveries. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021> (дата обращения: 01.09.2021).

МВФ (2021b). Climate Change—Our Most Global Challenge. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2021/06/02/sp060221-dmd-zhang-green-swan-conference?cid=em-COM-123-43175> (дата обращения: 01.09.2021).

МВФ (2021в). IMF Managing Director's intervention at the Leaders Summit on Climate, Session 2: Investing in Climate Solutions. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2021/04/22/sp042221-md-remarks-at-the-leaders-summit-on-climate> (дата обращения: 01.09.2021).

МВФ (2021г). A Post-Pandemic Assessment of the Sustainable Development Goals. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2021/04/27/A-Post-Pandemic-Assessment-of-the-Sustainable-Development-Goals-460076> (дата обращения: 01.09.2021).

Министерство экономики и финансов Республики Корея (2020). Korean New Deal. Режим доступа: https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=4948#fn_download (дата обращения: 01.09.2021).

МОТ (2021a). Women have not recovered their employment as much as men in most G20 economies. Режим доступа: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/how-the-ilo-works/ilo-director-general/statements-and-speeches/WCMS_806939/lang-en/index.htm (дата обращения: 01.09.2021).

МОТ (2021b). World Employment and Social Outlook. Trends 2021. Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_795453.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

МОТ (2021в). ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Sixth edition. Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_755910.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

МЭА (2020). The impact of the Covid-19 crisis on clean energy progress. Режим доступа: <https://www.iea.org/articles/the-impact-of-the-covid-19-crisis-on-clean-energy-progress> (дата обращения: 01.09.2021).

МЭА (2021). Global Energy Review 2021. Режим доступа: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/d0031107-401d-4a2f-a48b-9eed19457335/GlobalEnergyReview2021.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

Национальное агентство продвижения инвестиций Индии (2021). Renewable Energy. Режим доступа: <https://www.investindia.gov.in/sector/renewable-energy> (дата обращения: 01.09.2021).

ООН (2020а). Ход достижения целей в области устойчивого развития. Доклад Генерального секретаря // Политический форум высокого уровня по устойчивому развитию под эгидой Экономического и Социального Совета. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/E/2020/57> (дата обращения: 01.09.2021).

ООН (2020б). UN/DESA Policy Brief #86: The long-term impact of COVID-19 on poverty // Department of Economic and Social Affairs Economic Analysis. Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desa-policy-brief-86-the-long-term-impact-of-covid-19-on-poverty/> (дата обращения: 01.09.2021).

ООН (2020в). Global Humanitarian Response Plan COVID-19 // United Nations Coordinated Appeal. Режим доступа: https://www.unocha.org/sites/unocha/files/GHRP-COVID19_July_update.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

ООН (2021). Progress towards the Sustainable Development Goals. Report of the Secretary-General // Economic and Social Council. Режим доступа: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/27610SG_SDG_Progress_report_2021.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

ОЭСР (2020). Cities Policy Responses. Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=126_126769-yen45847kf&title=Coronavirus-COVID-19-Cities-Policy-Responses&_ga=2.73446482.1117121345.1629117009-1695727671.1629117009 (дата обращения: 01.09.2021).

ОЭСР (2020б). Making the green recovery work for jobs, income and growth. Режим доступа: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/making-the-green-recovery-work-for-jobs-income-and-growth-a505f3e7/> (дата обращения: 01.09.2021).

ОЭСР (2021а). OECD Green Recovery Database. Режим доступа: https://gitvfd.github.io/OECD-Green-Recovery-Policies/data/OECD_ENV_COVID-recovery-database_final-for-web.xlsm (дата обращения: 01.09.2021).

ОЭСР (2021б). Aligning short-term recovery measures with longer-term climate and environmental objectives // G20. Режим доступа: https://www.g20.org/wp-content/uploads/2021/07/OECD-Aligning-recovery-measures-with-climate-objectives-2021_final.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

ПРООН (2021). How Can Countries at Risk of Being Left Behind Build Forward From COVID-19? Режим доступа: <https://sdgintegration.undp.org/covid-impact-low-and-medium-hdi-groups> (дата обращения: 01.09.2021).

Хьюз Б.Б., Ханна Т., МакНил К., Бол Д.К., Мойер Дж.Д. (2020). Pursuing the Sustainable Development Goals in a World Reshaped by COVID-19. Режим доступа: https://sdgintegration.undp.org/sites/default/files/Foundational_research_report.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

ЮНВТО (2021). 2020: Worst Year in Tourism History with 1 Billion Fewer International Arrivals. Режим доступа: <https://www.unwto.org/news/2020-worst-year-in-tourism-history-with-1-billion-fewer-international-arrivals> (дата обращения: 01.09.2021).

ЮНИДО (2021). World Manufacturing Production (Statistics for Quarter I 2021). Режим доступа: https://stat.unido.org/admin/publicationPdf?jsessionid=50F5AE98FF5665562989E5FF207A67F0?World_Manufacturing_Production_2021_Q1.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

ЮНКТАД (2020). World Investment Report 2020. Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

Vivid Economics (2021). Greenness of Stimulus Index. Режим доступа: <https://www.vivideconomics.com/wp-content/uploads/2021/02/Greenness-of-Stimulus-Index-5th-Edition-FINAL-VERSION-09.02.21.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

Pandemic-induced Changes in the SDG Priorities and Implementation Mechanisms in the International Cooperation System^{1, 2}

A. Sakharov

Andrei Sakharov – Researcher at the Center for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russian Federation; sakharov-ag@ranepa.ru

Abstract

The COVID-19 pandemic has prompted a rethinking of the approaches to the implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development and the UN Sustainable Development Goals, both nationally and within the multilateral system. The crisis has forced international actors not only to reassess humanity's capability to achieve the Goals by 2030, but to question the relevance of the Agenda's priorities in the new environment. This work reviews the positions of key international institutions on sustainable pathways to global economic recovery.

Keywords: Sustainable Development Goals, Agenda 2030, sustainable development, COVID-19

For citation: Sakharov A. Pandemic-induced Changes in the SDG Priorities and Implementation Mechanisms in the International Cooperation System. *International Organisations Research Journal*, 2021, vol. 16, no 3, pp. 273–287 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2021-03-13

References

Boniol M., McIsaac M.M., Xu L., Wuliji T., Diallo K. et al. (2019). Gender equity in the health workforce: Analysis of 104 countries. *World Health Organization*. Available at: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/311314> (accessed 1 September 2021).

BRICS (2020). Statement of the 6th BRICS Environment Ministers Meeting. *CIIR RANEPa*. Available at: <https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/briks/dokumenty-briks/briks-rossijskoe-predsedatelstvo-2020/Statement%20of%20BRICS%20Environment%20Ministers%2030%20July%202020.pdf> (accessed 1 September 2021).

G20 (2020a). Declaration of the Riyadh G20 Summit. *CIIR RANEPa*. Available at: [https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/gruppa-dvadtsati/dokumenty-gruppy-dvadtsati/saudoyskoe-predsedatelstvo-2020/G20%20Leaders%20Declaration%202020%20\(RUS\)%20.pdf](https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/gruppa-dvadtsati/dokumenty-gruppy-dvadtsati/saudoyskoe-predsedatelstvo-2020/G20%20Leaders%20Declaration%202020%20(RUS)%20.pdf) (accessed 1 September 2021).

G20 (2020b). G20 Riyadh InfraTech Agenda. *CIIR RANEPa*. Available at: <https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/gruppa-dvadtsati/dokumenty-gruppy-dvadtsati/saudoyskoe-predsedatelstvo-2020/G20%20Riyadh%20InfraTech%20Agenda%202020%20July%202020.pdf> (accessed 1 September 2021).

G20 (2021a). Joint G20 Energy-Climate Ministerial Communiqué. Available at: https://www.g20.org/wp-content/uploads/2021/07/2021_G20-Energy-Climate-joint-Ministerial-Communique.pdf.

G20 (2021b). G20 Environment Communiqué. Available at: https://www.g20.org/wp-content/uploads/2021/07/2021_07_22_ITG20_ENV_Final.pdf (accessed 1 September 2021).

¹ This article was submitted 29.07.2021.

² The article was written on the basis of the RANEPa state assignment research programme.

G7 (2021a). G7 leaders commit to protect planet and turbocharge global green growth. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/g7-leaders-commit-to-protect-planet-and-turbocharge-global-green-growth> (accessed 1 September 2021).

G7 (2021b). G7 2030 Nature Compact. Available at: <https://www.g7uk.org/wp-content/uploads/2021/06/G7-2030-Nature-Compact-PDF-120KB-4-pages-2.pdf> (accessed 1 September 2021).

G7 (2021b). Carbis Bay G7 Summit Communiqué Our Shared Agenda for Global Action to Build Back Better. Available at: <https://www.g7uk.org/wp-content/uploads/2021/06/Carbis-Bay-G7-Summit-Communique-PDF-430KB-25-pages-3-1.pdf> (accessed 1 September 2021).

IEA (2020). The impact of the Covid-19 crisis on clean energy progress. Available at: <https://www.iea.org/articles/the-impact-of-the-covid-19-crisis-on-clean-energy-progress> (accessed 1 September 2021).

IEA (2021). Global Energy Review 2021. Available at: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/d0031107-401d-4a2f-a48b-9eed19457335/GlobalEnergyReview2021.pdf> (accessed 1 September 2021).

ILO (2021a). Women have not recovered their employment as much as men in most G20 economies. Available at: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/how-the-ilo-works/ilo-director-general/statements-and-speeches/WCMS_806939/lang--en/index.htm (accessed 1 September 2021).

ILO (2021b). World Employment and Social Outlook. Trends 2021. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_795453.pdf (accessed 1 September 2021).

ILO (2021b). ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Sixth edition. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_755910.pdf (accessed 1 September 2021).

IMF (2020a). World Economic Outlook, October 2020: A Long and Difficult Ascent. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020> (accessed 1 September 2021).

IMF (2021a). World Economic Outlook Managing Divergent Recoveries. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021> (accessed 1 September 2021).

IMF (2021b). Climate Change – Our Most Global Challenge. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2021/06/02/sp060221-dmd-zhang-green-swan-conference?cid=em-COM-123-43175> (accessed 1 September 2021).

IMF (2021b). IMF Managing Director's intervention at the Leaders Summit on Climate, Session 2: Investing in Climate Solutions. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2021/04/22/sp042221-md-remarks-at-the-leaders-summit-on-climate> (accessed 1 September 2021).

IMF (2021c). A Post-Pandemic Assessment of the Sustainable Development Goals. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2021/04/27/A-Post-Pandemic-Assessment-of-the-Sustainable-Development-Goals-460076> (accessed 1 September 2021).

National Investment Promotion and Facilitation Agency of India (2021). Renewable Energy. Available at: <https://www.investindia.gov.in/sector/renewable-energy> (accessed 1 September 2021).

OECD (2020). Cities Policy Responses. Available at: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=126_126769-yen45847kf&title=Coronavirus-COVID-19-Cities-Policy-Responses&_ga=2.73446482.1117121345.1629117009-1695727671.1629117009 (accessed 1 September 2021).

OECD (2020). Making the green recovery work for jobs, income and growth. Available at: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/making-the-green-recovery-work-for-jobs-income-and-growth-a505f3e7/> (accessed 1 September 2021).

OECD (2021a). OECD Green Recovery Database. Available at: https://gitvfd.github.io/OECD-Green-Recovery-Policies/data/OECD_ENV_COVID-recovery-database_final-for-web.xlsx (accessed 1 September 2021).

OECD (2021b). Aligning short-term recovery measures with longer-term climate and environmental objectives. *G20*. Available at: https://www.g20.org/wp-content/uploads/2021/07/OECD-Aligning-recovery-measures-with-climate-objectives-2021_final.pdf (accessed 1 September 2021).

Republic of Korea Ministry of Economy and Finance (2020). Korean New Deal. Available at: https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=4948#fn_download (accessed 1 September 2021).

UNCTAD (2020). World Investment Report 2020. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf (accessed 1 September 2021).

UNDP (2020). Foundational Research Report. Pursuing the Sustainable Development Goals in a World Reshaped by COVID-19. Available at: https://sdgintegration.undp.org/sites/default/files/Foundational_research_report.pdf (accessed 1 September 2021).

UNDP (2021). How Can Countries at Risk of Being Left Behind Build Forward From COVID-19? Available at: <https://sdgintegration.undp.org/covid-impact-low-and-medium-hdi-groups> (accessed 1 September 2021).

UNESCO (2015). Education 2030 Incheon Declaration and Framework for Action Towards inclusive and equitable quality education and lifelong learning for all. Available at: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/ED/ED_new/pdf/FFA-ENG-27Oct15.pdf (accessed 1 September 2021).

UNIDO (2021). World Manufacturing Production (Statistics for Quarter I 2021). Available at: https://stat.unido.org/admin/publicationPdf;jsessionid=50F5AE98FF5665562989E5FF207A67F0?World_Manufacturing_Production_2021_Q1.pdf (accessed 1 September 2021).

United Nations (2020a). Progress towards the Sustainable Development Goals. Report of the Secretary-General. High-level political forum on sustainable development convened under the auspices of the Economic and Social Council. Available at: <https://undocs.org/ru/E/2020/57> (accessed 1 September 2021).

United Nations (2020b). UN/DESA Policy Brief #86: The long-term impact of COVID-19 on poverty. Department of Economic and Social Affairs Economic Analysis. Available at: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desa-policy-brief-86-the-long-term-impact-of-covid-19-on-poverty/> (accessed 1 September 2021).

United Nations (2020c). Global Humanitarian Response Plan COVID-19. United Nations Coordinated Appeal. Available at: https://www.unocha.org/sites/unocha/files/GHRP-COVID19_July_update.pdf (accessed 1 September 2021).

United Nations (2021). Progress towards the Sustainable Development Goals. Report of the Secretary-General. Economic and Social Council. Available at: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/27610SG_SDG_Progress_report_2021.pdf (accessed 1 September 2021).

UNWTO (2021). 2020: Worst Year in Tourism History with 1 Billion Fewer International Arrivals. Available at: <https://www.unwto.org/news/2020-worst-year-in-tourism-history-with-1-billion-fewer-international-arrivals> (accessed 1 September 2021).

Vivid Economics (2021). Greenness of Stimulus Index. Available at: <https://www.vivideconomics.com/wp-content/uploads/2021/02/Greenness-of-Stimulus-Index-5th-Edition-FINAL-VERSION-09.02.21.pdf> (accessed 1 September 2021).

World Bank (2020a). Reversals of Fortune. *Poverty and Shared Prosperity 2020*. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34496/9781464816024.pdf> (accessed 1 September 2021).

World Bank (2020b). The Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of COVID-19. Available at: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34432?cid=ECR_E_NewsletterWeekly_EN_EXT&deliveryName=DM78486 (accessed 1 September 2021).

World Bank (2020c). The Impact of COVID-19 on the Water and Sanitation Sector. Available at: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/126b1a18-23d9-46f3-beb7-047c20885bf6/The+Impact+of+COVID+Water%26Sanitation_final_web.pdf?MOD=AJPERES&CVID=ncaG-hA (accessed 1 September 2021).

World Bank (2021). Remarks by World Bank Group President David Malpass to the Spring Meetings 2021 Development Committee. Available at: <https://www.worldbank.org/en/news/speech/2021/04/09/remarks-by-world-bank-group-president-david-malpass-to-the-spring-meetings-2021-development-committee> (accessed 1 September 2021).